

Возвращаясь к наперсткам

ГИЛЬЕРМО ДИАС-ПЛАХА

СЛОВО О ХУАНЕ РАМОНЕ ХИМЕНЕСЕ

Дважды, с перерывом почти в двадцать лет, читатель знакомился на страницах «Иностранной литературы» с Хуаном Рамоном Хименесом¹. И вот — новая встреча с поэтом. По нашей просьбе о нем пишет старейший испанский литературовед Гильермо Диас-Плаха, видный представитель испанской критической традиции.

Рассказывая нам о крупнейшем лирике Испании XX века, Диас-Плаха избирает особый угол зрения: он не раскрывает связей поэта с действительностью, от которой неотделимо — при всей замкнутости на внутреннем мире человека — творчество Хименеса, и лишь мельком упоминает о драматических событиях, пережитых его родиной за последние сорок лет, справедливо считая, что события эти — провозглашение Испанской республики, национально-революционная война испанского народа против фашизма, поражение республиканских сил, приход к власти франкистов — хорошо известны советским людям.

Открывший вместе с Антонио Мачадо новый «золотой век» испанской поэзии интимнейший лирик, стремившийся во всем отыскать «чистую поэтическую сущность», создавший собственного «бога» — абсолютное воплощение прекрасного, — Хуан Рамон Хименес, казалось, был далек от социально-политических конфликтов своего времени. Но в «минуты роковые» истории страны он выбрал свой путь — с народом и, верный гуманистическим идеалам, не пожелал иметь ничего общего с франкизмом.

Для Гильермо Диаса-Плахи важно было, однако, показать нам Х. Р. Хименеса как бы изнутри, определить его место в движении испанской поэтической мысли, особенности его эстетики, личное отношение его — неумолимого труженика слова — к искусству поэзии. Естественно, нельзя было обойтись без упоминания множества имен, поэтических школ и направлений, что порой делает эссе нелегким для восприятия. Но сложность эта по-своему отражает сложность и многогранность самой поэзии Хименеса и тех литературных процессов, с которыми она неразрывно спаяна. И еще одна особенность предлагаемого эссе: все написанное автором носит глубоко личный характер. Мы видим «его» Хименеса, запоминаем поэта таким, каким знал и принимал его Гильермо Диас-Плаха. Думается, это в полной мере оценит наш читатель.

Хуан Рамон Хименес — одна из крупнейших фигур испанской литературы XX века, Младший современник реформатора поэтического языка Рубена Дарио, философа Мигеля де Унаму-

но, почти ровесник Антонио Мачадо (Мачадо и Хименес — две вершины и два полюса современной испанской поэзии), он был учителем таких разных мастеров, как Федерико Гарсиа Лорка и Рафаэль Альберти. Своим наставником его считало целое поколение испанских поэтов, начинавших творческий путь вместе с Лоркой и Аль-

¹ Стихи Хименеса в переводах П. Грушко и А. Гелескула см. в «ИЛ», 1957, № 12 и 1975, № 8.

берги, — среди них Хорхе Гильен, Педро Салинас, Луис Сернуда, Висенте Алейксандре, Дамасо Алонсо, Херардо Диего. У него учился Блас де Отеро, виднейший представитель поколения 40—50-х годов. У него учатся молодые испанские поэты и сегодня.

Хименес прожил долгую жизнь. Родился он в 1881 году в небольшом андалусском городе Могере. Его молодость совпала с началом века, а зрелость — с первой мировой войной. Ему было 55 лет, когда разразилась национальная катастрофа¹, — и Хименес покинул Испанию. На родину он так и не возвратился. Проведя двадцать лет в изгнании, Хуан Рамон Хименес скончался в Пуэрто-Рико в 1958 году. Единственный нобелевский лауреат среди испанских поэтов, он умер в эмиграции, окруженный славой и учениками. Но могила его — в Могере, городе, где прошли детство и юность.

Там, в Могере, почти мальчиком он начал писать стихи и рисовать — Хуан Рамон долго не мог разобраться, в чем его истинное призвание. Туда он возвращался каждое лето — из Пуэрто де Санта Мария, где учился в колледже у иезуитов, из Севильи, где дважды в год с грехом пополам сдавал экзамены на юридическом факультете университета, из Франции, где провел две долгие зимы, лечась в одном из южных санаториев (тогда он выучил французский и открыл для себя Верлена). В Могер поэт вернулся после первого, ошеломившего его самого, успеха на литературном поприще, радостный и окрыленный. В Могер он вернулся и тогда, когда снова обострилась болезнь, — в состоянии крайне угнетенном. И стены родного дома, тенистый сад, долгие одинокие прогулки вернули ему здоровье и душевный покой. Там были созданы самые светлые сборники Хименеса — «Зеленые листья» (1906) и «Весенние баллады» (1907). И там же родилась книга, принесшая Хименесу всемирную славу, — элегия в прозе «Платеро и я» (опубликована в 1914-м).

В Мадриде Хуан Рамон живет так же замкнуто, как и в Могере. Лишь изредка он встречается с друзьями, очень немногочисленными, со студентами. В 1912 году на вечер в студенческом общежитии он познакомился с Зенобией Кампруби Аймар. Эта решительная и талантливая девушка, унаследовавшая от матери-каталонки эмоциональность, а от отца-англичанина — практический ум, через четыре года стала женой Хименеса. С тех пор и до конца жизни (она умерла в 1956 году, успев узнать о присуждении мужу Нобелевской премии) Зенобия была ему подругой и помощницей. Она вела дом, держала в порядке архив, составляла библиографические справки, необходимые Хименесу для преподавательской деятельности (в течение многих лет он читал курс испанской литературы в университетах США), улаживала конфликты с издательствами, журналами, типографиями (Хуан Рамон сам выбирал шрифты, указывал расположение заголовков и, борясь с

опечатками, требовал как минимум четырех корректур). Зенобия, с детства владевшая английским, помогала ему в переводах и много переводила сама — Джона Миллингтона Синга¹, Рабиндраната Тагора. Многие книги Хименеса начинаются посвящением «Зенобии, моей душе...»

Жизнь Хименеса и в Испании и в эмиграции небогата событиями. Стихи, подготовка сборников к печати, правка, редаKTypa, переводы, переиздание книг, чтение, лекции, семинары. Изредка — недолгие путешествия. И снова — стихи. Поражала его самоотдача, способность и привычка к изнурительному, ни на день не прерываемому труду. Это была не только потребность и не просто привычка — так Хименес понимал долг поэта перед поэзией. Безоговорочной самоотдачи требовала «ética estética»², по собственному выражению поэта. Этой двуединой формулой, где этика и эстетика взаимообусловлены, Хименес утверждал, что художественный поиск нравствен в той мере, в какой он художествен. Десятки и сотни вариантов, постоянная правка — не только документы «творчества в развитии» (так любил говорить Хименес о своей работе), не только свидетельства воли к совершенству, но и исполнение этического эстетического долга, первой заповеди поэта. «Эстетическая этика» не позволяла Хименесу считать что-либо, касающееся поэзии, мелочью. Она в равной мере определяла и его творчество и жизнь. Поэтому, например, Хименес отвечал всем, приславшим ему стихи, хотя не любил писать письма даже близким.

А стихов ему присылали великое множество. Хименес был категоричен в суждениях, но в его проницательности и справедливости не сомневались. С безошибочной интуицией он угадывал талант — иногда по нескольким строчкам. Многие обязаны ему ранним и легким началом литературной судьбы. Хименес следил за развитием открытого им таланта пристально и придирчиво. Он отличался требовательностью — в первую очередь к себе, потом к тем, кого считал учениками. Последнее приводило иногда к недоразумениям и даже обидам. Хотя не только в требовательности дело. Выстрадав свой путь к истине (или к тому, что он считал истиной) и свято веря в его правильность, Хименес подчас не принимал других путей — в этом причина его споров с П. Салинасом и Х. Гильеном. С другой стороны, и эта полемика, и важность ее для эволюции последних — лишние доказательства того, что влияние Хименеса было поистине огромным. От него освобождались долго и трудно, и удалось это лишь настоящим талантам.

Поэтический талант у Хименеса соединялся с исследовательским даром, с интересом к теоретическим и историко-литератур-

¹ Синг Джон Миллингтон (1871—1909) — ирландский драматург.

² Каждый из элементов этой трудно переводимой формулы — «эстетическая этика», или «эстетическая эстетика», — может восприниматься и как определение и как определяемое.

¹ Автор имеет в виду начало франкистского мятежа (1936). (Здесь и далее — прим. перев.)

ным проблемам. Мне посчастливилось несколько раз беседовать с ним о литературе. Впервые — в 1932 году, когда, узнав, что я составляю антологию испанской поэзии для средних школ и собираюсь включить туда несколько его стихотворений, Хименес сам позвонил мне, чтобы сказать, какие именно стихи кажутся ему подходящими для этой цели. Я пришел к нему домой (поэт жил на окраине Мадрида), и в первую минуту меня поразила тишина его кабинета, заваленного книгами, — ставни и плотные шторы заглушали городской шум...

Много лет спустя, когда была опубликована моя работа «Стихотворение в прозе в испанской литературе», я получил от Хименеса письмо, где он излагал в высшей степени интересные соображения относительно специфики этого жанра. А еще через несколько лет, после выхода в свет моей книги «Модернизм и поколение 98 года», Хименес прислал мне второе письмо, по сути дела — целую статью, обстоятельно доказывающая точку зрения, противоположную моей. На мой взгляд, поэт неправомерно расширил понятие «модернизм»¹, включая в него все направления, какие только существовали в испанской литературе начала века. Эта идея — о всеобъемлющем модернизме — стала главной в курсе его лекций, прочитанном в пуэрториканском университете Рио-Пьедрас-де-Сан-Хуан, она же легла в основу его книги о модернизме в испанской и латиноамериканских литературах...

Хименес начал печататься довольно рано — в девятнадцать лет, но его первая книга «Кувшинки» (опубликована в 1900-м) и последовавшие за ней выходили небольшими тиражами, и долгое время имя Хименеса было известно лишь узкому кругу любителей поэзии и поэтов. В 1922 году крупное издательство «Эспаса Кальпе» выпустило массовым тиражом его «Вторую антологию» — и к Хименесу пришла настоящая известность.

Полвека отделяют последнюю книгу Хименеса «Таящийся в глубинах» (опубликована в 1949-м) от первой. И эти полвека его творчество заполняет собой испанскую поэзию. Именно «заполняет» — и не только потому, что написал он очень много. Каждый его сборник становится событием в литературной жизни страны; эти полвека любое новое явление в поэзии сопоставляется с тем, что сделано и делается Хименесом. Сменялись имена, направления, поколения, школы, но творчество Хименеса оставалось актуальным, ибо его искания всегда были созвучны тому, что окзывалось главным в тот или иной момент общественной жизни Испании и развития ее литературы.

Эволюция Хименеса сложна, как сложен и литературный процесс в Испании XX века. Его первые книги совпадают по времени с появлением двух направлений,

определивших облик испанской литературы начала века, — модернизма и «поколения 1898 года»¹. Не вдаваясь в полемику о том, в чем общность этих явлений и существует ли таковая вообще, скажу, что бесспорным мне представляется следующее: если для модернизма характерно было познание и представление мира через субъективное ощущение, своеобразная эстетизация и абсолютизация субъективно-чувственного восприятия, то «поколение 1898 года» опиралось в основном на разум, взывало — пусть со всей страстностью — к разуму. Двух имен достаточно, чтобы проиллюстрировать все различие этих течений — Рубен Дарио и Мигель де Унамуну (что отмечал и Хименес).

Они оба в равной мере оказали воздействие на раннее творчество поэта. Эти разнонаправленные влияния наложились на юношескую увлеченность Хименеса неоромантизмом, в частности, поэзией Густаво Адольфо Беккера². Позднее он испытал влияние французского поэта Франсиса Жамма. Им отмечены многие книги Хименеса, начиная с «Пасторалей» (1903—1905) и кончая «Лабиринтом» (1910—1911). Через Жамма проникают в творчество Хименеса и отзвуки поэзии парнасцев.

В начале творческого пути Хименес во многом связан с модернизмом. Он начинает как ученик Рубена Дарио и Франсиско Вильяэспеса³, начинает с прямого подражания. Ученичество было долгим, но тем ярче выступает на этом фоне индивидуальность Хименеса, четко обрисовавшаяся к 1910 году.

В 20-е годы литературные привязанности Хименеса меняются. Внешняя музыкальность стиха уже не привлекает его. Он обращается к строгой традиции старой испанской «ученой» поэзии, к весьма популярному в стране народному поэтическому жанру романсов, перечитывает классиков, одновременно интересуется вещами трудно совместимыми, на первый взгляд — новейшими поэтическими течениями, возникшими после первой мировой войны, и поэтикой классицизма. В результате поэзия Хименеса — ее тон, темы, цель — претерпевает резкий перелом.

Хименесу удалось избежать опасности, подстерегающей, пожалуй, каждого поэта: с годами он не превратился в самоподражателя, эпитога собственной поэзии. Начиная с книги «Вечные мгновения» (1916—1917), поэзия Хименеса — непрерывный поиск поэтической сущности мира. Этой позиции он остался верен всю жизнь. В известном

¹ Условное название группы литераторов, объединенных общими идейными взглядами, поисками путей к возрождению Испании. К «поколению 1898 года» принадлежат М. де Унамуно, А. Мачадо, П. Бароха, Р. М. дель Валье Инклан.

² Беккер Густаво Адольфо (1836—1870) — испанский поэт-лирик.

³ Вильяэспеса Франсиско (1877—1936) — испанский поэт и драматург.

ГИЛЬЕРМО ДИАС-ПЛАХА
СЛОВО О ХУАНЕ РАМОНЕ ХИМЕНЕСЕ

смысле она напоминает позицию Поля Вальери, чьей поэзией Хименес восхищался.

Это десятилетие его творческого пути было заполнено напряженной и плодотворной работой. Появляются все новые сборники: «Лето» (1915), «Духовные сонеты» (1914—1915), «Камень и небо» (1917—1918). Из ученика поэт превращается в учителя — становится ориентиром для молодых. Авторитет его в литературном мире уже в то время огромен. Он редактирует журналы «Индиесе», «Си», «Сусесов», «Унидад», «Лей». Печататься на их страницах считается большой честью — ее добиваются многие, но достается она далеко не всем. Постепенно вкруг этих журналов складывается новое поэтическое поколение. В кругу Х. Гильена, П. Салинаса, А. Сернуды, В. Алейксандре, Д. Алонсо, Х. Диего, молодых в ту пору поэтов, и их учителя Хименеса рождается новая поэтика, почти не имеющая точек соприкосновения с модернизмом. В 1927 году¹ она станет главным фактором развития испанской литературы, но пока — в начале 20-х — поэзия Хименеса еще в ином литературном окружении: отнесясь «поколение 1898 года» и модернизм, на авансцену выходят авангардистские течения. Это в первую очередь креасонизм — сотворение независимой поэтической реальности. Созданный чилийцем Висенте Уидобро², он нашел в Испании вторую родину. Во-вторых, это ультраизм, провозгласивший главным принципом новизну ради новизны. И, наконец, так называемый неофольклоризм. Стоит отметить, что интерес к фольклору, к старинной испанской поэзии пробудился благодаря исследованиям замечательных филологов — Хесуса Баля и Дамасо Алонсо. Но неофольклоризм был не просто стилизацией под народную лирику — в фольклорную форму вкладывались сложно организованные образы, принципиально новые метафоры. Обращение к Гонгоре³ расставило последние точки над *i* — возникла новая поэтика, в которой гармонично слились традиции ученой и народной поэзии.

В 1927 году молодые поэты, печатавшиеся в журналах Хименеса (впоследствии их стали называть «поколением 1927 года»), широко отметили юбилей Гонгоры — трехсотлетие со дня его смерти. Федерико Гарсиа Лорка выступил во время торжеств с лекцией о поэтическом образе у Гонгоры, Дамасо Алонсо посвятил его поэзии двухтомное исследование, Рафаэль Альберти прочел на вечере, посвященном его памяти, поэму в стиле Гонгоры. Годы, последовавшие за юбилеем, ознаменовались расцветом новой поэзии. Один за другим выходят главные сборники Х. Гильена, Х. Диего, П. Салинаса, Д. Алонсо. И тогда же появляются книги, в которых новая поэтика выразилась ярче всего, — «Цыганский романсеро»

¹ О «поколении 1927 года» и его роли в испанской литературе см. также интервью Р. Альберти «Я верю в поэзию, живущую в памяти...» «ИЛ», 1977, № 2.

² Уидобро Висенте (1893—1948) — чилийский поэт.

³ Стихи Гонгоры и статью о нем см. в «ИЛ», 1977, № 1.

Ф. Гарсиа Лорки и «Моряк на суше» Р. Альберти.

Примерно с 1930 года в испанской поэзии начинается, я бы сказал, движение вглубь. Исчезают риторика и навязчивая звучность, все менее заметно языковое экспериментаторство. Поэзия становится негромкой — какой с самого начала была она у Антонио Мачадо — и более человеческой. Своей путеводной звездой молодые поэты считают Мигеля де Унамуно — человека, философа, поэта. Последователем Унамуно был Луис Сернуда: по меткому замечанию проницательного критика Х. М. Вальверде, «он покидает свой изысканный, замкнутый мирок, чтобы наконец по-человечески обратиться к человеку». Другим последователем Унамуно, превосшедшим его, был Мигель Эрнандес — певец угнетенных: в его поэзии нарастает уже социальный протест. И, наконец, эхо пламенных речей Унамуно слышится в стихах Бласа де Отеро, когда он говорит о порабощении и свободе человека. Хименеса занимают те же проблемы, что волнуют Унамуно, но решает их он в ином ключе, стремясь уловить поэтическую сущность явлений и выразить ее в единственно возможных, самых точных словах:

Дай мне, разум, точное имя
каждой вещи!
И пусть мое слово
превратится в нее,
сотворенную заново мной!

Порыв к высшей точности и проникновению в глубь вещей роднит Хименеса с Вальери. Начиная с «Вечных мгновений», поэзия Хименеса приобретает не свойственную ей ранее краткость и резкую афористичность. (Только в двух последних книгах он вернется к крупным поэтическим формам.) Возможно, что здесь сказалось увлечение фольклором, характерное для поэта еще в 10-е годы, и более позднее его знакомство с поэзией Эмили Дикинсон² — Хименес высоко ценил ее творчество и перевел несколько стихотворений Дикинсон.

Вершиной последнего периода творчества поэта явились книги «Состояние вечности» (1923—1936, опубликована в 1946-м) и «Таящийся в глубинах» — они поражают высокой точностью слова и смысловой насыщенностью. Автор их ставит перед собой труднейшую задачу — воплотить процесс слияния человеческого сознания с бесконечным потоком времени, растворения человека в мироздании и одновременно — преобразования мира, времени и пространства человеком и через человека. Отсюда и название сборника — «Состояние вечности», состояние, в котором одновременно присутствуют все времена, совмещены разные пространства. Может быть, определеннее всего это ощущение «человека в вечности» передано в стихотворении «Осеннее»:

Я полнота природы
под вечер золотого созревания,
высокий ветер в зелени сквозной.

¹ Переводы стихотворений Хименеса выполнены для данной статьи А. Гелескулом.

² Подборка ее стихотворений опубликована в «ИЛ», 1976, № 12.

Во мне, в укромном зернышке, томится
величие первооснов — земли,
огня, воды и ветра,— зреет вечность.

Я сею свет — и золотится тьма,
я разливаю мед — и веет богом,
звучу — и отзывается пространство,
сгущаю сок — и бездна душу пьет,
и одиночество вслепую тянет руки.

Я клад, который вызволен из недр,
и на груди творения покоюсь,
как белый слиток лилии. Я все.
То все, что возникает как избыток
небытия — чтобы служить залогом
всего, что только жаждет воплотиться.

Погружаясь в мироздание, Хименес ищет
собственную человеческую сущность. Осознание этой слиянности, взаимопроникновения человека и мира — для поэта путь к богу, который был для него равнозначен абсолюту прекрасного: «Сейчас божественная сущность воплощена для меня в осознании, личном, точном и всеобъемлющем осознании прекрасного, которое скрыто внутри нас и в то же время выявлено во вне».

Хименеса не без оснований упрекали в том, что его бог весьма далек от христианских канонов. В самом деле, «бог» для Хименеса — заимствованный из языка философии синоним к слову «поэзия». В нем олицетворены не творец, не творение, но твор-

чество — созидание, неотделимое от самопознания, совершенствования и в конечном счете самосозидания.

Вся жизнь Хуана Рамона Хименеса была непрерывной работой над словом. Он не любил просто переиздавать стихи. Составляя новую антологию, он многое переделывал. Часто стихи его менялись до неузнаваемости: существует, например, до десяти вариантов некоторых ранних стихотворений. Также он работал и над прозой (а в собрании сочинений Хименеса — более тысячи страниц прозы). Язык его книги «Испанцы трех миров» поразителен по богатству и чистоте звучания. Влияние испанского барокко, Гонгоры сказало именно в этой книге — в прозе Хименеса, а не в стихах.

Почти тридцать лет отделяют нас от последней книги поэта. Но за это время стихи и проза Хименеса не стали вчерашним днем. Испанская литература и сегодня обращается к его творчеству. Его новаторство — в области содержания и формы — актуально и сейчас. Без Хименеса невозможно представить панораму испанской поэзии XX века. Его творчество — одна из самых ярких и благородных страниц нашей литературы.

Перевод с испанского Н. МАЛИНОВСКОЙ